

ЗАВТРА — 100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

*„Вы — три знаменитый великий реформатор
театрального искусства“*
М. Горький

СТАНИСЛАВСКИЙ рано по-седел. С портрета даже периода молодости Художественного театра, когда Константину Сергеевичу не было еще и сорока лет, на вас глядит человек с белоснежной головой, с живыми, пронзительными глазами, резко очерченными черными бровями...

Я помню его 75-летним. Но и в этом возрасте самое большое впечатление оставлял его взгляд — пылкий, полный интереса к собеседнику, как бы жаждущий новых и новых впечатлений, которые нужны были его неутомимой ищущей мысли и свободной в своем полете творческой фантазии.

В глазах Станиславского светилась молодость его души и непосредственность восприятия жизненных явлений — ценнейшее качество подлинного художника. Мудрость человека, за плечами которого была богатая опытом жизнь, удивительным образом соединялась в нем с чисто детской наивностью и целомудрием.

Станиславский не умел и не хотел жить для себя. Оставив сцену, неутомимый реформатор и искатель путей сценического искусства с еще большим увлечением отдался режиссуре, воспитанию театральной молодежи и завершению работы над своей педагогической системой, которая сделала его имя одним из самых популярных во всем театральном мире.

Последние режиссерские работы Станиславского в Художественном театре навсегда вошли в историю сценического искусства. «Горячее сердце», «Женитьба Фигаро», «Мертвые души», «Таланты и поклонники», штрихи мастера, положенные на яркое, революционно-романтическое полотно «Бронепоезда», — это целый университет для любого актера и режиссера.

На самом склоне жизни новые открытия в подходе ак-

тера к образу, «метод физических действий» и экспериментальная работа над «Тартюфом» в окружении многочисленных, но преданнейших учеников.

Последние раздумья Станиславского: переполнявшее его богатство мыслей об искусстве, найденный им метод наиболее верного подхода к образу, образу действующему, значит — борющемуся, значит — наиболее современному

рывать и направлять молодые таланты.

Что же завещал Станиславский творческой молодежи?

Прежде всего чувство ответственности перед искусством, как средством общественного служения народу, ответственности перед своей профессией, понимание трудностей ее и готовность служить театру жертвенно и бескорыстно. Весной 1901 года в антрактах спектакля, заня-

ших произведений драматургии. Станиславский выражает надежду, что провинциальным «оралам и кривлякам» придет конец и настанет, наконец, время, «когда законом не будут допускаться к служению на сцене безграмотные люди»...

Такое время пришло. Для талантливой молодежи в Советской стране открыты высшие театральные учебные заведения. В одной Москве четыре театральных института. Трупы театров пополняются теперь культурными и профессионально подготовленными людьми.

Вся этика Станиславского была направлена на воспитание в молодом артисте чувства товарищества, понимания коллективного характера сценического искусства. Как высший закон, как голос совести звучит и сегодня призыв Станиславского к актерам: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

В этих немногих словах сказано очень многое. Они определяют тот нравственный артистический кодекс, который удивительно переживает сегодня с моральным кодексом строителей коммунизма. В этических заветах Станиславского, в сформулированных им нормах внутренней жизни театрального коллектива молодые актерские поколения будут находить советы и наставления для строительства театра будущего, театра коммунистического общества.

Больше всего Станиславский не любил успокоенности, застоя, чувства безмятежного благополучия. Именно в годы высшего расцвета МХАТа, незадолго до его 40-летия, он писал, что лучше всего, когда в искусстве отстаивают свои позиции, борются за них, спорят. Хуже всего, когда в искусстве все спокойно, все налажено, не требует споров, борьбы, поражения, а следовательно, и побед.

В дни 100-летия Станиславского мы еще раз вспоминаем жизнь великого русского актера и режиссера и воспринимаем ее как настоящий подвиг во имя искусства, создаваемого для народа.

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

Александр СОЛОДОВНИКОВ,

директор Московского Художественного академического театра имени А. М. Горького

(ведь люди революции — это прежде всего люди действия, борьбы) — все это успеть передать своим ученикам, молодой смене.

Не есть ли это подлинное величие души и подлинно гражданский подвиг великого художника? И не есть ли это вдохновляющий пример для многих современных мастеров искусств всех видов и всех жанров?

Да, Станиславский был неповторимым актером и гениальным режиссером. Однако его педагогическое мастерство не уступает блеску его сценического таланта. А. М. Горький, приветствуя Константина Сергеевича по случаю 70-летия со дня рождения, отметил прежде всего эту сторону его жизни.

Сейчас, когда партия снова во весь рост поставила перед деятелями искусства, и прежде всего перед молодежью, главный вопрос: для кого и для чего творит художник, Станиславский дает предметные, конкретные уроки того, как надо форми-

ровать творчество, Станиславский считает необходимым ответить на письмо гимназиста, у которого пробудился интерес к сцене. Это замечательное письмо. В нем намечены все главные темы, которые воспитатель талантов будет развивать перед молодежью на протяжении десятилетий.

«...Театр, — пишет Станиславский, — это самая могущественная кафедра, еще более сильная по своему влиянию, чем книга и пресса... Моя задача, по мере моих сил, выяснить современному поколению, что актер — проповедник красоты и правды». Для выполнения такой миссии актер должен прежде всего обладать талантом.

Но одного таланта мало. Надо подготовиться «итти по тернистому, тяжелому и мучительному пути, забывая о славе и любя свое дело».

Однако и такая готовность служить театру еще недостаточна, чтобы стать актером. Станиславский выдвигает важнейший вопрос — о высоком уровне общей культуры актера. Он требует от актера «уметь дотягиваться до гениальных литературных, уметь анализировать философское и общественное содержание луч-

СЛОВА ЛЮБВИ И ВОСХИЩЕНИЯ

Вы, Дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь Вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов.
М. ГОРЬКИЙ.

ВАШЕ прославленное имя, дорогой Станиславский, является для меня именем учителя психологической правды на сцене.
Р. РОЛЛАН.

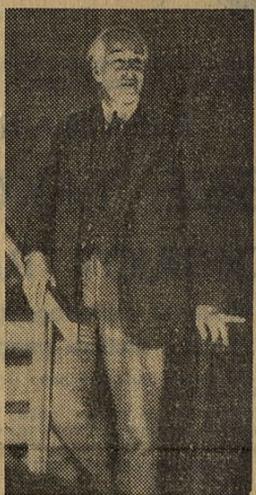
КАК сказать Вам о том, как я Вас люблю? Как сказать Вам о том — как велика благодарность моя Вам за все то, чему Вы научили меня в столь трудном деле, каким является искусство режиссера?
В. МЕНЕРХОЛЬД.

СВЕТ искусства, принесенный Станиславским, будет освещать творческий путь настоящих артистов.
Л. ЛЕОНИДОВ.

ВИСКУССТВЕ я люблю только ту Правду, о которой говорите Вы и которой Вы учитесь.
Е. ВАХТАНГОВ.

УЧЕНИЕ Станиславского о театре — вот та основа, на которой могли бы объединиться все театры мира, стремящиеся к настоящему искусству.
ЭДУАРДО ДЕ ФИЛИППО.

ТЫСЯЧИ зрителей, посещающих театры в Нью-Йорке или Москве, в Риме или Париже, не знают, что то, чем они восхищаются на сцене, — все является следствием уроков Станиславского.
Ж. ВИЛАР.

ЭТОТ снимок впервые публикуется в нашей печати. Он был сделан в 1928 году. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ изображен после очередной репетиции в Художественном театре.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ

Художник-баталист и пейзажист В. Е. Памфилов в 1935 году, молодым человеком, пришел в оперный театр имени К. С. Станиславского.

Станиславский поручил Памфилову выполнить эскизы декораций и костюмов к «Пинюной даме». Хотя у художника был уже немалый опыт работы в театре, для него снова начались годы учения у великого режиссера. Прежде чем прийти к окончательному решению оформления той или иной картины или костюма какого-либо персонажа, Станиславский заставлял декоратора делать десятки эскизов.

Знакомая теперь с многочисленными работами Памфилова, поступившими на днях в музей МХАТа, можно увидеть в них отсутствие специфической «оперности» и дурной театральной красноты.

Зимой 1936 года Станиславский отдыхал в Барвихе. Получив от Памфилова эскизы декораций для картины «Спальня графини», режиссер на обороте рисунка написал приводимые ниже слова. На репетиции художник набросал портрет великого режиссера, который публикуется впервые.
С. МЕЛИК-ЗАХАРОВ.

«Утверждаю о поправках: налево у окна на самой авансцене огромный, богатейший туалет с занавесками из тюля под XVIII век. Хотелось бы сохранить потайной шкаф-дверь и за ней проход наверх (через верхнее оконце). (Из эскиза № 3). Двери на заднем плане справа можно не делать. Сделать дверь посередине, сзади и за ней амфилада, по которой идет процессия со свечами (будет видна через тюль и щель кровати). Кровать по возможности придвинуть к авансцене. Большое кресло поставить не по Большому театру (для публики), а как нужно для жизни — боком, в профиль, к самой кровати.

Не забудьте кнут с образами или что другое, чтоб была китайская тень при входе Германа.

К. Станиславский. (Барвиха), 25/XII 36».

БЛАГОДАРНОЕ СЕРДЦЕ

В ДНИ, предшествовавшие 100-летию со дня рождения К. С. Станиславского, в музей МХАТа поступили от частных лиц многочисленные письма, рукописи, различные материалы, в той или иной мере рисующие облик великого реформатора сцены.

Много писем передала в дар музею М. В. Маргулис, вдова заслуженного деятеля науки, доктора медицинских наук, профессора Михаила Семеновича Маргулиса.

Семья известного ученого на протяжении многих лет была связана узами тесной дружбы с К. С. Станиславским и его женой, замечательной артисткой МХАТа М. П. Лилиной. В своей переписке они не касались вопросов театра, искусства. Тем не менее эти письма дороги прежде всего тем, что в них встает облик Станиславского — человека, исполненного большого благородства, чуткого и благодарного друга.

Вот одно из писем К. С. Станиславского к М. С. Маргулис. Оно публикуется впервые 29 октября 1928 года, в день празднования 30-летия МХАТа. К. С. Станиславский играл роль Вершинина в «Трех сестрах». Шел первый акт. На сцене Константин Сергеевич почувствовал себя плохо. Это был приступ грудной жабы. Тяжелая болезнь надолго приковала его к постели. В тревожные для всех дни большую помощь и дружеское внимание оказывал Константину Сергеевичу М. С. Мар-

гулис. Благодарный Станиславский пишет ему взволнованное письмо:

Дорогой и сердечно любимый Михаил Семенович

...В этом году я был окружен такой заботой и любовью, которая немногим счастливым выпадает на долю.

За эту любовь нельзя благодарить. Она выше всех износительных и истрепанных слов, которыми принято выражать чувства признательности.

Я помню и тот фатальный для меня вечер юбилейного спектакля, после которого Вы везли меня в автомобиле домой. Я помню, как Вы в смокинге ухаживали за мной, пылливо и любовно смотря мне в глаза, чтоб понять, болен ли я или уже умираю. Я не забуду второй ночной тревоги с еще большими заботами и беспокойством...

Эти воспоминания нужны мне не только для того, чтобы помнить о прошлом, но и для того, чтоб иметь силу жить в будущем и сознавать, что есть еще на свете Люди, друзья, братья, любовь и все то, ради чего можно еще не умирать.

Вы видите, как мне не достает таланта Толстого, Чехова и Достоевского, чтоб передать то большое, что я ношу в своем сердце. Я не сказал и сотой доли из того, что чувствую и хотел бы передать Вам, хотя и испускаю четвертую страницу...

К. АЛЕКСЕЕВ. (СТАНИСЛАВСКИЙ).